

В 1912 г. я приехала с родителями в г. Барнаул, где училась в Александрійском училище, переименованном после падения царизма в Барнаульское женское высше-начальное училище, которое находилось на углу Павловской улицы и Острожного переулка [1].

Я окончила его 30 апреля 1917 г., а 2 мая оно сгорело при пожаре города. Учиться дальше не пришлось, т. к. отец и мать были старые, а брат-фельдшер был на фронте Германской войны, нужно было кормить себя. На помощь пришел Союз металлистов, который выдал мне пособие, чтобы учиться на секретаря-машинистку. Председатель Союза металлистов был М. А. Ярков [2]. Пособие выдавала нам его сотрудница Третьякова Нина Владимировна, и я со школьной подружкой Таней Сысоевой училась в Бюро машинописи у Михеевой в Барнауле на Гоголевской улице, между Соборным и Конюшенным переулками [3]. Окончила.

Вспоминается мне школа в Заячьем поселке [4], где я дежурила на Избирательном участке, также от Союза металлистов —

¹ Авторская стилистика сохранена.

это был мой первый профессиональный Союз. После того как большевики отделились от меньшевиков, на выборах у большевиков был свой список № 7, который и восторжествовал большинством голосов народа.

Однажды во время дежурства на избирательный участок пришел в студенческой тужурке белокурый паренек и, подавая руку, отрекомендовался Павликом. Проверив отметившихся, он сказал мне, чтобы я завтра же пошла и подала прошение, чтобы поступить в Алтайский Губернский Комиссариат, а ему сообщить в 5 часов вечера того же дня, он будет ждать меня в Народном доме [5].

Когда я пришла в учреждение, которое находилось на Демидовской площади [6], подошла к машинисткам, их было трое. Все они блестели золотыми брошами, кулонами, дорогими серьгами, браслетами, перстеньками. Когда я обратилась к ним, они были удивлены скромным форменным платьем девочки, и, пожав плечами, сказали, что им четвертой машинистки не надо.

По условленности, я сообщила об этом Павлику, а на другой день оба пошли снова насчет работы. Павлик сам взял прошение, написанное мной, и пошел в канцелярию, а через несколько минут вышел невысокого роста человек, черноволосый, средних лет, и попросил под диктовку напечатать. Он хотел проверить, как я работаю, затем сказал, чтобы я вышла через день на работу. Машинистки, которые накануне отказали мне, недоумевающими взглядами смотрели на нас.

29 ноября 1917 г. я вышла на работу. Машинка стояла «Мерседес», мне давали текущую работу машинистки, а сами разговаривали. Я старалась работать, смущалась, когда чувствовала, что на меня смотрят или кто-то подходит ко мне. От смущения краснела и не любила себя за это.

8 декабря 1917 г. в 10 часов утра, когда все работали, вошла делегация рабочих, одни были вооружены и остались по двое у дверей снаружи, другие у дверей в одной комнате, остальные во второй, остальные прошли дальше, с ними был и Павлик. Товарищ Карев [7] сообщил, что вся власть перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, просим всех спокойно работать и подчиняться. Некоторые из сотрудников начали быстро бегать куда-то, звонить, но тов. Карев подошел

и сказал, чтобы не беспокоились, бесполезно, телефонная станция отключена.

После занятия своих постов, делегация с товарищами Присяжным Иваном Вонифатьевичем, Цаплиным Матвеем Константиновичем, Устиновичем Владимиром Ивановичем, Казаковым Михаилом Кирилловичем, Ненашевым Иваном Кузьмичом и др. заняла свои места. Таким образом, власть перешла в руки Советов совершенно спокойно, безо всякого сопротивления и стрельбы.

В это время отряды Красной Гвардии, которые состояли из рабочих, солдат и революционно настроенных граждан, добровольно записавшихся, со своими Комиссарами занимали, кроме здания Алтайского Губернского Комиссариата (это орган власти Временного правительства, куда меня теперь устроили работать), Телефонную станцию, Телеграф, Банк и Казначейство, тюрьму, железнодорожную станцию и другие учреждения [8].

Матвей Константинович Цаплин, который вернулся со 2-го Всероссийского съезда Советов, где он слушал В. И. Ленина, теперь уверенно вел рабочих и солдат к взятию власти в Барнауле по примеру рабочих и солдат Петрограда. Цаплин успел накануне в Барнауле провести первый раз заседание Военно-Революционного Комитета, где он был выбран председателем.

В конторе Комиссариата после смены власти вначале стояла тишина, все что-то ожидали. После того как были заняты учреждения и Комиссары заняли свои посты, постепенно стали поступать сведения, начали звонить телефоны уже подключенной телефонной станции, и к телефонам уже подходили хозяева нового положения. Вызывали т. Карева, Корнякова, а через них и других, и напряженная тишина начинала оживляться. Также приходили связные с донесениями с мест, где не было телефонов.

Из третьей комнаты кабинета вышел новый руководитель, высокий лысый человек с бледным уставшим лицом, в военной форме, подошел к машинисткам, к одной, другой, третьей — все они отказались печатать небольшой текст написанной им бумаги. Я сидела за машинкой, чувствуя, что он подходит ко мне, уже вся красная от смущения, взглянула на Павлика, который, улыбаясь, кивнул мне головой, очевидно, довольный своей подготовкой кадров. Я начала вкладывать в машинку бумагу.

Человек с листком, Ненашев Иван Кузьмич, член Военно-Революционного Комитета, спросил, улыбнувшись и обращаясь ко мне: «А Вы? Тоже бастуете?» Но увидев, что я уже закладываю в машинку бумагу, понял, что я готова работать.

Я начала под диктовку печатать первую телеграмму из Барнаула в Петроградский ЦК ВКП(б) Ленину о том, что власть в Барнауле перешла в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, за подписью председателя ВРК Цаплина.

Работы становилось все больше и больше, подходили разные лица, которые прибыли вместе с делегацией, с приказами, распоряжениями, которые нужно было отпечатать и послать немедленно с подготовленными Павликом связными.

Три машинистки стояли в стороне, злобно смотрели с ненавистью на меня, не разговаривали, бойкотировали меня. Когда к ним еще раз обратились, чтобы они работали, они от работы отказались, говоря, что с большевиками работать не хотят, пусть с ними работают какие-то девчонки. Бросив эту реплику, они ушли, а для меня началось боевое крещение в жизни. Но меня не смущала работа, что ее было много, потому что я попала в свою рабочую среду.

Переменив свою машинку «Мерседес» на развернутый лист большой машинки «Ундервуд», я стучала по клавишам далеко за полночь, помогая товарищам скорее напечатать срочные приказы и постановления Военно-Революционного Комитета, также чувствуя себя миниатюрным винтиком махового колеса Революции, которой так хотел народ, и вот долгожданное время пришло.

Я иногда работала всю ночь, но это было редко, а за полночь — почти всегда, работы было очень много. Если за мной не приходил отец или мать, меня провожали товарищи по работе.

Разные Отделы разворачивали свою работу, все больше и больше подбирали в аппараты новых сотрудников, так как бывшие служащие в учреждениях саботировали, не хотели с большевиками работать. Им не кланялись, а на их место становились малограмотные работники, но точно выполнявшие работу, как было нужно. Иногда они смеялись и говорили про свою неграмотность: «Ничего, а зато у нас машинистка есть!» Как будто это их выручало, подбадривало в работе.

Руководителям было работать нелегко, особенно ВРК в лице т. Цаплина, Устиновича, Казакова, Малюкова, Ненашева, Яркова и Нины Владимировны Третьяковой, с которыми больше всего приходилось мне работать, так как не всегда все подчинялись выполнению и установлению дисциплины. Фабриканты, купцы, хозяйчики, с которыми борьба и работа коммунистов была почти непрерывной, а это неподчинение служило большим тормозом в работе, но коммунисты терпеливо, самоотверженно работали.

...Шел 1918 год. Я работала и дежурила также после работы и в выходные дни в Совдепе. Профсоюзы начали наводить порядки работы, чтобы переходить на 8-часовой рабочий день. Но работа Советов, охватив весь Алтайский округ, налаживалась с большим трудом. По железной дороге отправлялись поезда с хлебом в Петроград рабочим, но белогвардейские силы начали мешать работать, а кулаки стали поднимать голову в деревне. В конце апреля произошел бунт в барнаульском лагере военнопленных [9]...

Начала создаваться Красная Армия по декрету Ленина, организовываться Военные Комиссариаты, которые должны были проводить призыв в армию. Отправлялись отряды в Забайкалье на борьбу с атаманом Семеновым. Затем, в мае, после мятежа белочехов, были посланы отряды на помощь Ново-Николаевску [10] и Камню-на-Оби, а защита самого Барнаула стала недостаточна. Не хватало боеприпасов, оружие было старого образца, вроде бердан 12 калибра, Смит-Вессонов, ничего другого не было [11]. В Совдепе была автомашина, поношенная, старая, но она еще служила для связи с вокзалом работников Совдепа.

...Настроение было напряженное, белочехи с белогвардейцами наступали на Барнаул по железной дороге, наши отряды отступали к городу. После начала белочешского мятежа мы были отрезаны почти со всех сторон, Советская власть пала в Омске, Ново-Николаевске, Томске, а из Центра мы информации больше не получали. Оставалось только одно — защищать Барнаул, железную дорогу, мост через реку Обь, станцию Алтайскую, чтобы не дать окружить себя.

Рано утром 11 июня 1918 г. в городе началось выступление белогвардейского подполья. Совдеп был окружен белогвардейцами, началась перестрелка. Незадолго до этого, в начале мятежа,

Цаплин и Присягин успели отправить на вокзал автомашину с сотрудниками Совдепа, чтобы вызвать помощь со станции Алтайской, куда накануне был отправлен последний крупный отряд красногвардейцев. На машину было совершено нападение белых, был убит Аркадий Третьяков.

Матвей Константинович Цаплин и Иван Вонифатьевич Присягин после начала обстрела белогвардейцами Совдепа собрали всех его сотрудников и призвали их на защиту власти Советов, чтобы мужчины взяли в руки винтовки, а женщины и девушки шли медсестрами в перевязочный пункт. Так и сделали, и я стала медсестрой. Перевязочный пункт был организован внизу Городского Музея (сейчас Краеведческий музей) [12], с главного входа налево две комнаты были перегорожены. Руководил перевязочным пунктом т. Коновалов, фельдшер, он жил где-то на горе, но после начала сражений в городе не отлучался, как и все мы, с пункта. Сообщение из Совдепа в перевязочный пункт было через двор, с правой стороны защищала кирпичная ограда, которая немало приняла на себя пуль. Она шла от Городского Музея и вскоре была выщерблена пулями.

В перевязочном пункте работали я и моя подруга Лиля Пилаина, а также двое санитаров, носивших на носилках раненых, и старый человек, который возил на рыжей лошади, запряженной в телегу, перевязанных нами раненых по Лазаретам между Сузунской и Бийской улицами на Соборном переулке [13], а также возили и носили раненых в лазарет на Лесопильный завод (бывший Сереброплавильный) — это через дорогу от Музея [14].

Все больше и больше разгоралась борьба, стрельба шла и ночью и днем, стало больше раненых и некоторых убитых. По Совдепу стреляли из-за углов улиц, а потом из Мужской гимназии и Реального училища [15]. Оборонявшие Совдеп товарищи находились: часть — в здании Совдепа, а часть — в Дмитриевской церкви за Совдепом. Они отстреливались от белых, стрелявших в Совдеп из-за углов Гоголевской улицы, где белые оставались лежать убитыми около тротуаров несколько дней. Я помню, как один из них, горбатый человек в тужурке чиновника, средних лет, а также еще несколько человек убитых лежали долго на площади.

Из защитников Совдепа был мадьяр, молодой, сухощавый человек. Его принесли санитары, он был тяжело ранен в голову, в нем узнали человека, хорошо игравшего на скрипке. Когда учитель пения Шаронов Семен Васильевич организовывал раньше первую Сибирскую Капеллу, то этот мадьяр всегда приходил до спевки немного раньше, спрашивал разрешения поиграть. По-русски он говорил плохо. Шаронов всегда разрешал, а у того человека сказывалась, видимо, тоска по родине, он уже не замечал никого, когда в руки брал скрипку. Слушать его всегда было удовольствие, когда он играл на ней, то выливал он, кажется, всю свою душу в звуках рыдающей скрипки, всегда заканчивая свою игру песней «Не брани меня, родная». Сыграв свой небольшой репертуар, он подносил Семёну Васильевичу Шаронову скрипку, низко кланялся, положила руку на сердце в знак сердечной благодарности, и сразу уходил. Сейчас его, тяжело раненного, только донесли до лазарета, и он умер.

Следом за ним принесли раненого Ивана Анашкина, его быстро перевязали, а Анашкин просил: «Скорее, сестренка, скорее напиши письмо родным, сообщи, где я». Он жил на Булыгинской заимке [16]. Я писала под его диктовку с большими перерывами, так как боли и страдания передавались всему его организму, он старался напрягать все свои силы, забывал имя, теряя сознание, забывал, что он хотел написать. Ранен он был в обе руки, ноги и живот.

Письмо было передано моими родителями. Они разыскали родных Анашкина на Булыгинской заимке и сообщили, передавая письмо, что он лежит в Лазарете на Лесопильном заводе.

Раны Анашкина были тяжелые. Когда мы его сдавали в Лазарет, он был в слабом состоянии, почти безнадежном на жизнь.

Раненых было много. Через несколько дней с 1 часу ночи стала слышна стрельба с Горы, наступали белые. Пули летели с Нагорного кладбища [17]. Мне хорошо помнится эта ночь.

Я иду впереди, несущая белый флаг с красным крестом — знак нейтральности. Санитары несут раненого, а пули визжат, и только перешли мостик через речку Барнаулку, неся в лазарет, как вдруг передний санитар поставил носилки и схватился за руку — он был ранен. Я воткнула ему под мышку флаг, а сама взялась за носилки, чтобы скорее дойти до лазарета. Когда приняли раненого, в лазарете также остался наш санитар.

Обратно мы бежали на перевязочный пункт, а пули все летели, и казалось, что перебежка была длинной, хотя знали, что Музей — перевязочный пункт — недалеко. С рассветом 15 июня еще сильнее поднялась стрельба. Уже было понятно, что Барнаул окружают. А в 6 часов утра в перевязочный пункт пришли уже белые, они сказали, чтобы никто никуда не выходил, — это значит, что мы арестованы.

Сначала белые нам даже разговаривать не разрешали. Какое-то непонятное, щемящее чувство наполнило всю мою душу. Я еще с детства, когда было тяжело, всегда в песне изливала свою душу. Вот и сейчас, в такой тяжелый момент, я забилась в угол и тихонько что-то бунчала. Мне было очень тяжело, потом ко мне подошла Лиля Пилаина, под села ко мне, обняла по-дружески, и так мы сидели каждая со своими мыслями. Лиля была старше меня, она была беженка-латышка, они с матерью бежали от Германской войны [18], дорогой умерла ее мама. Лиля и так испытала большое горе, жизнь мало подносила ей радости, а тут еще и арест, неизвестность. Что будет дальше?

В 10 часов утра пришли в перевязочный пункт еще двое белых, одного из них, молодого, я видела раньше — не то Вовка, не то Лёвка. Второго, старшего, он называл Шпренгерт.

Они повертелись, поговорили с охранявшими нас бежками, указывая глазами на нас. К нам в это время подошел фельдшер Коновалов, который, очевидно, слышал их разговор, и сказал нам впоголоса: «Постарайтесь уйти от них!» — а больше ничего не сказал. Как уйти? Почему? Не успел сказать. К нам подошел со своим другом Шпренгерт и сказал мне с Лилей идти за ними. Мы переглянулись со всеми, Лиля вышла первой, я вышла за ней.

Нас вывели из Музея и повели по Соборному переулку в сторону Нагорного кладбища. Народу было очень много, и колокола звонили в Соборе [19]. Был солнечный летний день, многие лица ликовали, на них была написана радость, а главное, столько народа, и все стояли, как будто чего-то ждали.

Когда нас вели, то вдруг из толпы раздался выкрик: «Ой! Женьку-то на расстрел повели, посмотри!» Больно кольнуло в сердце. Я оглянулась в сторону, откуда был выкрик, и увидела дядю Яшу

с женой, Сысоевых, — они оба были сторожами нашей школы. Я им поклонилась. Я давно их не видела, почти с окончания школы, а их выкрик мгновенно заставил меня подумать обо всем. Мы встретились глазами с Лилей, она крепко пожалала мне руку, за которую она взяла, когда мы вышли из Музея. Так мы держались всю дорогу, как будто боялись расстаться. У обоих были мысли: «Уйти, убежать скорее!» Но как? По одной? Оставив одна другую? А дальше что? И как это можно, в такую тяжелую минуту оставить друг друга? Нет, этого делать нельзя! Уйти обеим, затеряться в толпе? Если бы не было этих охранников — Шпренгерта и его друга, — не было ликующих людей вокруг! Правда, хотя и не все ликовали, но большинство, и они могут поддержать сопровождающих. Что делать?

Летний теплый день, такой хороший, так много солнца, которое своей теплотой, своими лучами ласкает весь мир, а девушек ведут на гору, на кладбище, откуда изредка слышны залпы расстрельных выстрелов. Зачем? Что будет с нами? На душе было смутно-подавленно.

До стариков, моих родителей, уже дошли слухи, что их дочь повели на расстрел на кладбище. Но на какое кладбище? На Гору или к тюрьме в Дунькину рощу? [20] Никто не сказал. Куда бежать, где искать?

Отец дошел до угла и не знал, куда идти, в какую сторону... А мать стояла, смотрела, думала, куда он мог пойти, не сказав ей? Оба знали про слух, но не говорили один другому и не могли уйти один от другого, да и дом оставлять не могли. Жили мы на квартире у доктора Шутского Ивана Михайловича — Павловская улица, дом 111, между Соборным и Конюшенным переулками, в полуподвальном помещении [21]. Шутские летом жили на даче, а мои старики-родители оставались сторожить и домовничать.

Утром 15 июня, перед тем, когда белые меня арестовали, в доме Шутских был обыск. Не найдя меня, белые разбили все ящики с медикаментами Шутского, отцу потом пришлось извиняться за все это.

Отец и мать переживали — сын на фронте, дочери нет, остались одни, да и куда идти? Где искать? Сердце родителей разрывалось в безнадежном состоянии.

А нас довели на Гору до ворот и вошли на кладбище по Косому взвозу [22], повернули к церкви [23], где шла служба, трезвонили колокола. Здесь также было много народа.

Кто входил в церковь, некоторые выходили из нее. По правую сторону церкви были ряды торговок и просто встречающихся людей. Тут был хлеб, плюшки, молоко разное — сырое, вареное, пресное, кислое.

Мы давно хотели пить и еще не ели со вчерашнего дня. Надо напиться, а денег с собой нет, мое портмоне было взято у меня при аресте в Музее. А люди рядом подходят, пьют, улыбаются, смеются.

Лиля наклонилась к старушке и попросила кислого молока, сказала, что заплатить мы не сможем, нет денег. Старушка налила в чашку молока, которое Лиля подала мне.

Хотя я очень хотела пить, но отпила только половину и отдала допить Лиле.

Когда Лиля пила, то я заметила, что впереди стоял мужчина в штатском, он тоже пил, потом, обернувшись, вытирая рот платком, увидел нас и удивленно спросил: «Женя! А ты зачем сюда пришла? Папа с мамой знают?» Я рассказала ему, что нас взяли из перевязочного пункта из Музея, да и косынки наши с крестиками подтверждают это, а зачем привели сюда — не знаем. При разговоре я вспомнила и узнала — это был дядя Володя, Владимир Апполонович, фронтовик Германской войны, и что я с его дочкой нянчилась, когда он был на фронте. Я тогда училась и, как только приду из школы, приводили Оничку — его дочку. Над ней я потешалась до слез, когда спрашивала: «Оничка, ты сегодня молилась?» Она отвечала детским голосом: «Молилась!» «Как, покажи!» — приставала я к ней. Оничка беспрекословно показывала, как она молилась, неправильно кладя крест, не как учили, и вместо слов молитвы «Господи! Спаси папочку от врага!» Оничка говорила: «Господи! Снеси папочку на рога!» — и серьезно делала земной поклон, а мне было до слез смешно.

Когда Владимир Апполонович пришел с фронта, они съехали на другую квартиру, и я с тех пор не видела его.

Сейчас я указала ему на Шпенгерта с его товарищем — они стояли и курили в сторонке, пока мы пили. Мы с Лилей не слышали, о чем они говорили, только слышали, как сказал Владимир

Апполонович: «Будут за мной!» — и видели, как те повернулись и пошли, а он подошел к нам и сказал: «Пошли!» И на ходу говорил нам: «Идите быстро домой, привет папе и маме, только никуда не заходите — прямо домой!» Он подвел нас к лестнице с Горы, на которой с разными площадками было около 150 ступеней.

Хотелось сразу убежать, но быстро идти было нельзя, чтобы не обратить на себя внимание, а ноги, кажется, сами шли быстрее. Мы только чувствовали, что спасены, а надолго ли, не знали. Шли, иногда оглядывались или смотрели по сторонам, чтобы снова не встретиться с теми, кто вывел нас из музея.

Мы уже подходили к дому по Павловской улице [24], где жил Костя Колосов, друг Аркадия Третьякова, и против калитки на тротуаре была большая лужа крови, впитавшаяся по краям и студенистая еще в середине. Неприятное чувство охватило нас обеих, вспоминался Костя — веселый паренек, вместе с Аркадием как-то заливисто смеявшийся над чем-то, и только позже мы узнали, что Костю Колосова белые вывели из дома и тут же убили.

Наконец мы пришли ко мне домой. Отец и мать, как сговорившись, бросились ко мне, обнимая, расплакались, не стесняясь, — я первый раз их видела такими, — это были слезы радости после пережитой напряженности. Они целовали нас обеих, нескрываемая радость светилась в их глазах, и тут я поняла, как дорога я была для своих стариков и как они были одиноки без меня.

Нам самим не верилось, что мы дома, такую напряженность нам пришлось пережить и за раненых товарищей, и за погибших, и за самих себя.

Отец рассказал про обыск, который был сегодня утром, а Лиля Пилаина сказала, что, наверное, было бы то же и с нами, что и с Костей Колосовым.

Отец спохватился, после волнения и радостной встречи вспомнив, что нужно накормить девушек. Отец и мать во время обеда старались шутить, подавая нам пример, чтобы мы не впадали в уныние.

Лиля Пилаина пошла домой. Я оставляла ее у себя, ведь ее никто дома не ждал, а в последнее время мы сутками не были дома, а все равно хотелось быть у себя и отдохнуть, освежившись водой, во всем чистом и своей постели.

Проводив подругу, я, после купания, еле добралась до кровати, успокоенная тем, что я дома, вместе со своими убеленными сединами стариками. Мозг тоже, кажется, не хотел ничего думать, и я крепко уснула, организм поборол после стольких бессонных ночей за все последнее время.

Я не слышала, как приходил доктор Шутской Иван Михайлович, и, приподняв мою голову, он вынул вторую подушку, так как мне неудобно было лежать, рассказывала потом мне мать, а я тогда спала и ничего не слышала.

Отец извинился за разбитые ящики с медикаментами во время обыска сегодня утром, а доктор только говорил: «Хорошо, что Женя спасена!» Они с женой Марией Павловной «тоже за нее беспокоились, а насчет ящиков, мол, не переживайте, самое главное — спасибо тому человеку, кто спас девушек, большое спасибо!» Отец и мать за эти слова Шутского и его радость за их дочь были благодарны доктору.

Дня через два мать послала меня на рынок, отец тоже собрался со мной, не решился одну отпускать, и когда мы с ним только прошли Петропавловский Собор, поравнявшись с Городской управой [25], где на крыльце стоял чиновник, тот закричал: «А...а! Советские служащие все еще ходят, на веревочку их!» Затем он вложил пальцы в рот и сильно свистнул.

Мы хотели только перейти дорогу, не обращая внимания на все происходившее, но два конных белогвардейца перекрыли нам путь, сказали мне, чтобы я зашла между коней, оттесняя меня от отца.

Отец протянул руки за мной, но плетью больно задела его пальцы и поясницу, а мне пришлось зайти, чтобы не быть смятой конями. Когда я обернулась, отец одной рукой вытирал глаза, а второй держался за поясницу.

Жаль было отца, в душе было негодование, сердце билось от злобы. Меня повели по направлению к музею. Мысли в голове путались. Опять! Что же делать? Я взглянула на верховых, одного я совсем не знала, а во втором узнала Василия Кирмилевича, с которым встречалась на школьных вечерах. В мыслях было — кто же ударил отца? У них обоих были плетки.

Но вот меня доводят до угла и у бывшего Совдепа останавливаются. Я поняла, что мне нужно заходить в помещение, чему

сиюминутно обрадовалась, в голове сразу мелькнул план, что делать. Незнакомый верховой только спустил из стремени ногу, а я уже зашла на крыльцо, скрылась в дверях. В окно я увидела, что он снова сел на коня и они поехали в обратную сторону. В углу стояли белогвардейцы, о чем-то спорили, на окне стояла кружка. Я взяла ее, будто напиться, налила воды в нее из бака, но не помню, пила я или нет, только поставила кружку и через дверь, ведущую во двор, вышла. Сначала думала пройти через музей, догнать и успокоить отца, но долго думать было нельзя.

Я повернула влево и через Пушкинскую улицу пошла по Конюшенному переулку домой как будто ни в чем не бывало, а сердце билось, хотелось скрыться скорее домой от взглядов людей.

Когда я пришла, отца еще не было дома, рассказала матери все, что до рынка не дошли, она с волнением слушала меня, беспокоясь теперь за отца. Вскоре пришел отец, жалуясь, что он не мог уберечь меня, не смог, стегнули проклятые варнаки. Но мать успокоила его, сказала, что я дома.

На следующий день, утром, в 8 часов, раздался сильный стук в двери, пришел с винтовкой конвоир, сказал мне, чтобы я сейчас же следовала за ним. Зачем? Куда? Ни слова...

Когда я вышла за дверь, конвоир следовал за мной. Также следом за мной пошел и отец, но охранник сердито сказал: «А тебе, старик, нечего ходить, а то уложу обоих и вся недолга». Отец остался у ворот.

Мы дошли до Конюшенного переулка, и на повороте я взглянула назад. Отец медленно все-таки продвигался вперед, но был на большом расстоянии.

Меня привели в здание бывшего Совдепа, где уж были приведены и сидели наши сотрудники: Лиля Пилаина, Гантемирова Зинаида Александровна и ее муж Виктор Петрович.

Тут же стали приводить рабочих из типографии большевистской газеты «Голос труда» и других учреждений, которых я не знала.

Все сначала молчали, потом потихоньку разговаривали, все ожидали своей участи, чем все закончится.

Наконец, пришли какие-то представители и сказали: «Кто хочет работать — оставайтесь, кто не хочет — собирайтесь в тюрьму».

Тишина, молчание, мысли бегали в голове, обгоняя одна другую. Все бывшие рабочие типографии большевистской газеты как один остались работать, зная, что в тылу врага они могут многое сделать, если поглубже уйти в подполье. Глядя на них, почти все согласились работать на белых. Нас все-таки продержали до вечера, а затем под переключку отпустили по домам с тем, чтобы завтра явились на работу, предупредив о том, что больше ни за кем посылать не будут, а сразу будут брать в тюрьму.

На следующий день, 19 июня 1918 г., я пришла на работу к белым в здание бывшего Совдепа. Меня направили работать в бухгалтерию, затем прикрепили еще отделы — Земельный и Ветеринарный, что впоследствии помогло для деловой переписки с товарищами.

Нас, бывших работников Совдепа, распределили так, чтобы мы были в разных учреждениях и не могли разговаривать, собираться, советоваться, хотя это нас не особенно смущало. Надо мной посмеивались некоторые новые работники, сторонники белых, взяв напечатанную мной работу, бумаги вертели, смотрели с разных сторон, и я не знала, почему они смеются.

Как-то раз я спросила: «Что вы смеетесь, в чем дело?» Конечно, не без издевки они мне ответили: «Смотрим, не покраснели ли бумаги от Вас!»

Я ничего не ответила на это, только сердито посмотрела на них. Но через некоторое время некоторые мои бумаги действительно начали «краснеть». Я начала подпольную работу на рабочем месте, хотя мне не разрешали оставаться и сверхурочно работать.

Однажды пришел человек, попросил разрешения перепечатать ведомость, ему разрешили. Он подождал, пока я закончила, вынула из машинки предыдущую работу и отнесла ее.

Вернувшись, я взяла ведомость у него, посмотреть, какие графы, развернула, а там лежала небольшая бумажка — большевистская листовка, на углу которой было написано: «Напечатать 15 штук».

Я взглянула на этого человека, увидела его прищуренный взгляд, поняла важность работы.

Я заложила ведомость в развернутый лист бумаги, 5 экземпляров, начала графить машинкой и делать колонки, а ниже

на обеих сторонах, перемеживая с графлением, уже печатала текст листовки. В листовке было написано о создании в Барнауле подпольной большевистской организации и обращение к рабочим, чтобы товарищи не падали духом, сплачивались, накапливали силы для дальнейшей вооруженной борьбы. Текст листовки говорил о подпольном продолжении борьбы за власть Советов в Барнауле.

Вместо 15 листовок, я напечатала их 30 штук. Мне легко стало на душе, когда ведомость с вложенными листовками была вручена мной владельцу, за доверие подпольщиков ко мне.

Таким образом, мои бумаги затем «краснели» все более и более в самом Управлении Алтайской губернии, в самом логове белых. Также я смогла затем доставать в Управлении незаполненные бланки удостоверений, пропусков, ставить на них печати, по которым товарищи из подполья могли жить, работать или проходить на то или иное совещание к «господам», чтобы быть в курсе их дел.

Но потом я заболела малярией. Малярийные комары, разносчики болезни, появились в барнаульском заводском пруду [26] и многих людей заразили. Я тогда не ходила на работу, но продолжала писать от руки для подпольщиков листовки. Меня также включили в подпольную «пятерку», где была строгая конспирация на случай провала и ареста белогвардейской контрразведкой, штаб которой был в бывшем особняке купца Платонова, на ул. Пушкина [27]. В подпольной работе мы знали друг друга только в лицо и по именам.

Моими связными, которые забирали у меня переписанные листовки, были первый Коля, второй Леня, их фамилий я не знала. Таким образом, наша «пятерка» работала, не зная друг друга, зато дело двигалось вперед, а чтобы не быть замеченной и пойманной барнаульской контрразведкой белых, руководство подполья передало мне, что я должна была уволиться из Управления губернии под предлогом моей болезни малярией. Как раз я опять заболела, пошло осложнение из-за малярии, что, в конечном счете, превратило меня в инвалида. Но весь 1919 г. я продолжала помогать подпольщикам, переписывала листовки дома, от руки, и, как обычно, вместо 15 штук писала 50 и более. А по ночам

ребята-подпольщики расклеивали размноженные мной листовки на заборах Барнаула, чтобы утром горожане узнали правду о приближающейся к нам Красной Армии, правду, которую колчаковцы тщательно скрывали от народа. И вот 10 декабря 1919 г. мы дождались в Барнауле своих, красных. Сначала в город пришли партизаны армии Мамонтова [28], а через несколько дней пришли регулярные войска Красной Армии. Советская власть была восстановлена. Жизнь продолжалась и преподносила новые трудности. В 1920 г. умер отец от желтухи, также переболел до этого малярией, как и я. После смерти отца мы с мамой переехали на 8-ю Алтайскую, дом 30 [29], куда позже я привезла троих сирот-родственников, ставших мне приемными детьми. Они жили в селе Андроново Баевского района Каменского уезда. Узнав, что их отец был коммунистом, приехавшие в село каратели-анненковцы [30] летом 1919 г. отпороли его плетьюми, 25 ударов. После чего он сильно болел и от полученных увечий в 1921 г. умер, скоро после смерти своей жены от тифа. Дети остались одни. Мне с матерью сообщили об этом, и я забрала к себе трех его детей-сирот: 10 лет, 8 лет и 1 год 2 месяца. А в 1928 г. я сама уже была инвалидом, так как малярия дала последствия и на сердце, и на суставы.

С тех пор, с 1917 г., прошло полвека, а кажется — было недавно. Все образы моих товарищей, как при моей работе в барнаульском Совдепе, так и позднее, подпольщиков, встают передо мной. Они как живые видятся мне, с их добрыми, хорошими, чистыми улыбками, без лицемерия, и серьезно-сосредоточенными лицами во время работы.

А для меня работа в Совдепе, работа медсестрой в перевязочном пункте — Краеведческом музее — перенос раненых под пулями во время барнаульских сражений в июне 1918 г., когда моя жизнь висела на волоске, чудом избежав расстрела с другими товарищами в нагорном кладбище возле церкви, наложили с тех дней свою отметину — седые пряди волос.

И этот «документ» я ношу с тех пор всю свою жизнь до сих пор.

Подготовил к печати: Владимир Терёшкин.

Примечания

- 1.** Александринское училище — начальное учебное заведение, также носило название 5-го женского городского училища. Располагалось в городском доме на углу Острожного переулка и Петропавловской улицы (в воспоминаниях ошибочно названа Павловской), сейчас это перекресток проспекта Комсомольского и улицы Ползунова.
- 2.** Ярков Михаил Александрович (1886-1975) — революционер, большевик, организатор первых профсоюзов на Алтае, после Гражданской войны — советский работник.
- 3.** Соборный переулок — Социалистический проспект. Конюшенный переулок — Красноармейский проспект.
- 4.** Школа в Заячьем поселке — Зайчанская школа Общества попечения о начальном образовании, создана в 1891 г. В. К. Штильке, с 1896 г. располагалась в здании на углу пер. Челюскинцев и ул. Анатолия.
- 5.** Народный дом — центр общественной и культурной жизни Барнаула в начале XX в., располагался в здании на ул. Ползунова, 35 (ныне его занимает филармония).
- 6.** Алтайский губернский комиссариат занимал здание бывшего Главного управления Алтайского округа на пр-те Красноармейском, 4 (ныне там магазин «Мария-Ра»). После установления советской власти там расположился Губернский Совет рабочих и солдатских депутатов (Совдеп).
- 7.** Карев Семен Петрович (1885-1918) — рабочий-революционер, секретарь Алтайского губисполкома, погиб от рук белых в сентябре 1918 г.
- 8.** В декабре 1917 г. городская телефонная станция находилась в каменном павильоне на Демидовской площади (позже снесен). Госбанк занимал здание на углу ул. Пушкина и Социалистического проспекта (позже краевая поликлиника), казначейство находилось на ул. Ползунова (сейчас детский сад № 76), почтово-телеграфная контора располагалась в кирпичном здании на ул. Интернациональной, 74, тюрьма была на Сибирском проспекте (сейчас от нее осталось одно здание по Сибирскому проспекту, 36).
- 9.** В Барнауле с 1915 г. существовал концентрационный лагерь для военнопленных Первой мировой войны, преимущественно — солдат австро-венгерской армии. Окончательно был ликвидирован в 1920-е гг.
- 10.** Ново-Николаевск в 1925 г. переименован в Новосибирск.
- 11.** Бердана 12 калибра — переделанное в России ружье Бердана № 2 образца 1870 г. Смит-Вессон — американский пистолет.

- 12.** Ныне это основное здание Алтайского государственного краеведческого музея по ул. Ползунова, 46.
- 13.** Здание Военного лазарета располагалось на углу Социалистического проспекта и ул. Никитина (Бийской).
- 14.** Ныне это территория бывшей Барнаульской спичечной фабрики по ул. Ползунова, 37.
- 15.** Мужская гимназия занимала здание по пр-ту Красноармейскому, 19, Реальное училище — по пр-ту Красноармейскому, 21. Сейчас оба эти здания входят в ансамбль Демидовской площади и принадлежат Аграрному университету.
- 16.** Булыгинской заимкой раньше называли пос. Кирова: район улиц Кутузова, Краевой, Боровой и других.
- 17.** Ныне Нагорный парк.
- 18.** Германской войной в то время называли Первую мировую войну.
- 19.** Имеется в виду Петропавловский кафедральный собор — главный храм Барнаула, находился на пл. Свободы, разрушен в 1935 г.
- 20.** Имеются в виду Нагорное кладбище (Нагорный парк) и Крестовоздвиженское кладбище (теперь парк «Изумрудный»).
- 21.** Этот дом располагался примерно на месте нынешнего нового здания по ул. Анатолия, 117.
- 22.** Косой взвоз — пер. Федора Колядо.
- 23.** Имеется в виду кладбищенская церковь Иоанна Предтечи, располагалась возле склона, у нынешнего входа в Нагорный парк со стороны проспекта Социалистического.
- 24.** Павловская улица — ул. Анатолия.
- 25.** Городская управа занимала здание по пр-ту Ленина, 4. Сейчас там находится муниципальный музей «Город».
- 26.** Барнаульский заводской пруд — искусственный водоем, созданный плотиной на р. Барнаулке в XVIII веке для обеспечения энергией сереброплавильного завода. Из-за загрязнения воды был спущен в 1926 г.
- 27.** Сейчас в этом здании находится краевой военный комиссариат (ул. Пушкина, 40).
- 28.** Ефим Мефодьевич Мамонтов (1889-1922) — герой Гражданской войны, командующий Партизанской крестьянской Красной Армией Алтая, изгнавшей колчаковцев из региона в конце 1919 г.
- 29.** 8-я Алтайская — ул. Шевченко. Указанный дом находился примерно в районе автоцентра по ул. Шевченко, 93.
- 30.** Анненковцы — члены карательного казачьего отряда под общим командованием атамана Б. В. Анненкова, действовавшего на Алтае в 1918-1919 гг.

Научный комментарий

«Воспоминания» Е. Кондратьевой в основном повествуют о Гражданской войне на Алтае. Относятся к группе источников личного происхождения, к т.н. мемуоратам. Автор воспоминания — непосредственный свидетель и участник событий Гражданской войны, в частности — в городе Барнауле. Будучи активным сторонником советской власти, в своих воспоминаниях Кондратьева представила точку зрения на эти события только одной из противоборствующих сторон — красных. Также нужно учесть, что воспоминания были записаны почти через 50 лет после описываемых событий, поэтому часть сведений автор могла почерпнуть из позднейших источников, ненамеренно выдавая их за свои. В тексте присутствуют неточности в описании местонахождения некоторых городских объектов, что также можно объяснить абберациями памяти. Поэтому безоговорочно верить Кондратьевой во всем, что она рассказала, было бы ошибкой. В то же время масса конкретных сведений, мелких деталей, подтверждаемых другими синхронными свидетельствами, позволяет нам уверенно говорить, что в основном Кондратьева верно отразила действительность.

Особое значение имеет здесь то, что автор воспоминаний — женщина. Абсолютное большинство участников Гражданской войны, оставивших о ней воспоминания, были мужчинами. Это объясняется тем, что женщины тогда еще редко принимали участие в общественной жизни и уж тем более — в боевых действиях. Именно поэтому воспоминания Кондратьевой — это уникальный женский взгляд, причем не с позиции матери бойца или домохозяйки, а с позиции активного борца в составе одного из противоборствующих лагерей.

Воспоминания Кондратьевой должны стать неотъемлемой частью корпуса источников личного происхождения по истории Гражданской войны на Алтае.

*Справочный аппарат и научный комментарий:
Данил Дегтярёв*